

На правах рукописи

БАЛЬЖИНИМАЕВА
Цыцыгма Цыдендоржиевна

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С РУССКОГО
НА БУРЯТСКИЙ И МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных
стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки
и Австралии (монгольские языки)

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2003

Работа выполнена в отделе языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор Л. Д. Шагдаров

Официальные оппоненты

доктор филологических наук, профессор Л. В. Шулунова
кандидат филологических наук В. В. Тэлин

Ведущая организация - Бурятский государственный университет

Защита диссертации состоится «31» октября 2003 г. в 13.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке БНЦ СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «30» сентября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Г. А. Дырхеева

2003-А

15351

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Художественный перевод есть воссоздание произведения, написанного на одном языке, средствами другого языка. И переводоведение, исследуя и обобщая живой опыт практики, занимается определением характера этого воссоздания, а также средств, какими поставленная перед переводом задача выполнена. Для переводчика чрезвычайно важное значение имеет прежде всего языковой аспект. Дело в том, что тему, разработку образов, композиции, сюжета, фабулы он получает как бы в готовом виде. Поскольку творческое своеобразие переводимого произведения, его стиль с наибольшей отчетливостью проявляются в его языке, переводчик прежде всего имеет дело с языковым уровнем произведения, который в трудах филологов с полным основанием называется первоэлементом художественного произведения. Для того, чтобы верно воспроизвести литературно-художественный и идейный уровни художественного текста переводчику необходимо предельно внимательно отнестись к каждому слову, каждой строчке, строю фразы, изобразительным средствам. При передаче их на свой родной язык переводчики встречаются со многими трудностями.

Бурятские и монгольские переводчики в течение многих десятилетий переводили в некоторых случаях одни и те же произведения классической русской и советской литературы, встречались с одними и теми же переводческими проблемами и сравнительное изучение их опыта имеет весьма большое значение, ибо бурятский и монгольский языки являются близкородственными языками. Этим определяется актуальность нашего исследования.

Целью данной работы является изучение состояния переводов произведений с русского языка на бурятский и монгольский языки, выявление лексических, лингвостилистических особенностей перевода художественных произведений с русского на бурятский и монгольский языки в практике переводов, обобщение опыта решения переводчиками некоторых конкретных вопросов адекватного воспроизведения художественного текста на другом языке.

В соответствии с общей целью в работе ставятся следующие задачи: во-первых, определить степень точности переводов и литературной обработки исследуемых произведений; во-вторых, наметить общие тенденции и различия в передаче языковых единиц на другой язык; в-третьих, выявить то положительное, что имеется в переводах, и типичные недостатки, которые встречаются в них в-четвертых, на конкретном материале переводов на бурятский и монгольский языки осветить вопросы передачи национально-специфических реалий, территориальных, социальных и

профессиональных диалектизмов, переносных значений слов, фразеологизмов, троп, художественных деталей и экспрессивно-стилистических коннотаций слов и других речевых единиц.

Материалом для проведенного исследования послужили переводы художественных произведений с русского языка на бурятский и монгольский языки, осуществленные главным образом в 40-80-х годах прошлого столетия.

При проведении исследования применены комплексные методы и приемы, используемые в современной языкознании: описательно-аналитический, семантико-стилистический, сопоставительный и метод сплошной выборки.

Теоретической и методологической базой исследования явились труды известных переводоведов А.В. Федорова, К.И. Чуковского, П.М. Топера, В.М. Россельса, И.А. Кашкина и других, а также российских монголоведов, языковедов Ц.Б. Цыдендамбаева, Л.Д. Шагдарова, Г.Ц. Пюрбеева, С.Ш. Чагдурова, У-Ж.Ш. Дондукова, Ц.Б. Будаева, литературоведов А.Б. Соктоева, В.Ц. Найдакова, С.Ж. Балданова и других, монгольских учёных академиков Б. Ринчена, Ц. Дамдинсурэна, Р. Гурбазара, Д. Дашдаваа, Г. Акима, Ц. Хасбаатара и других.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка монографически исследовать особенности перевода художественных произведений с русского на бурятский и монгольский языки. Выявлены особенности передачи разных пластов и единиц лексики, образного строя переводных текстов, особенности употребления фразеологизмов, тропов и других изобразительно-выразительных средств произведений.

Научно-практическая значимость сводится к тому, что результаты исследования могут быть использованы в деятельности монгольских и бурятских переводчиков, в научных исследованиях по бурятской литературе и языку стилей бурятских писателей, а также при разработке спецкурсов в вузах и при сравнительно-сопоставительном изучении бурятского и монгольского языков.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ее основные положения докладывались на научной конференции, посвященной памяти д.ф.н. В.Ц. Найдакова (Улан-Удэ, 1998); Региональной научной конференции «Цыбиковские чтения-4» (Улан-Удэ, 1998); Всероссийской научной конференции «Санжеевские чтения-4» (Улан-Удэ, 1999). По диссертации опубликованы четыре статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, дано обобщение опыта работы бурятских и монгольских мастеров художественного перевода, степень разработанности исследуемой проблемы в Бурятии и Монголии, определяется предмет исследования, его цели и задачи, характеризуется материал и методы анализа, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы, дается краткая характеристика этапов развития художественного перевода, определяется значение переводов в становлении современной оригинальной художественной литературы в Бурятии и Монголии.

В I главе «Общая характеристика переводов художественных произведений с русского на бурятский и монгольский язык» дан обзор переводного фонда произведений и освещены некоторые вопросы теории художественного перевода с русского на бурятский и монгольский языки.

В § 1.1. «Переводной фонд произведений» указывается, что родственные народы - буряты и монголы - всегда жили по соседству, и культурные связи между ними никогда не прерывались. Не имея собственной «античности», монгольская средневековая литература обращалась к литературной традиции Индии и Тибета. Еще в XIII-XIV вв. в монгольском мире под влиянием древнеиндийской и тибетской филологии заметное развитие получило переводческое дело. Уже при пятом великом хане Хубилае в столице империи Пекине был создан Комитет по переводу. В то время с санскритско-тибетских вариантов были переведены на старомонгольский язык сборник рассказов Шантидэвы «Бодхичарьяватара», «Банзарагча», «Двенадцать деяний Будды», «Субашид» и другие сочинения.

Интенсивное развитие переводческой работы в XIII-XIV вв. ослабевает после распада Монгольской империи. Однако ее возрождение происходит в XVII-XVIII вв. Клерикализация общества, вызванная интенсивным распространением буддизма, налагает свой отпечаток и на тематику переводимых произведений. В 1576 г. общемонгольский хан Тумэн-засагту принял буддизм у тибетцев. Затем его примеру последовали южномонгольский Алтан-хан, северномонгольский Абатай-хан, а несколько позже - западные монголы и буряты.

Хотя основатель буддийской религии Шакья-Муни не оставил ни одного письменного сочинения, существует много книг, которые считаются записями его проповедей. К проповедям написаны многочисленные комментарии и все эти сочинения сложились в буддийский канон из двух больших частей - «Ганджур», объемом 108 томов, и «Данджур», объемом 226 томов. Таким образом, буддийский канон включает в себя 334 томов в которых содержится около 6000

сочинений, в том числе художественные произведения, подчиненные религиозным и иным целям. В них имеется проповедь ламаизма, а также сюжеты и мотивы выдающихся образцов древней и средневековой литературы народов Востока. К ним относятся монгольские редакции циклов обрамленной литературы, сборников джатак – рассказы о перерождениях Будды, о хождениях в загробный мир, жизнеописания выдающихся деятелей буддизма, многочисленные комментарии к богословским трактатам, различные сборники афоризмов и доучений. В этих сочинениях высшей целью духовных исканий человека считается перерождение после смерти в буддийском раю – царстве вечного блаженства Сукхавати и обретение здесь нирваны.

При переводе энциклопедических сочинений «Ганджур» и «Данджур» был использован терминологический словарь «Источник мудрецов». «Ганджур» состоит из шести больших разделов, каждый из которых занимает несколько томов. Всего в эту энциклопедию включено 1161 сочинение, в том числе много художественных произведений. К ним относятся, например, сутры – беседы Будды с учениками о нравственности и философии. Сборник «Ульгэр-үн далай» («Море притч»), включавший эти беседы, пользовался большой популярностью среди населения Монголии и Бурятии. Это сочинение состоит из 52 глав, в которых фигурируют Будда и его ученики. В них Будда рассказывает своим ученикам подходящие к случаю притчи.

Первым произведением, переведенным с русского языка на старомонгольский, была Библия, напечатанная в XIX в. в типографии Санкт-Петербурга. В начале XX в. отдельные разделы Библии были переведены на западнобурятское наречие и изданы русскими буквами.

Развитию переводческого дела в Бурятии и Монголии в послереволюционный период существенный толчок дало письмо Максима Горького, написанное в мае 1925 года представителю старой бурятской интеллигенции Эрдэни Батухану, работавшему в то время министром просвещения Монголии. В нем он отметил, что монгольскому народу было бы наиболее полезно проповедать принцип активности, ибо именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, чего она достигла в новое время. Этот совет был услышан и в Бурятии. Бурятские писатели и переводчики, как и монгольские их коллеги, в этот период неуклонно следовали этому совету при отборе произведений для перевода.

Под влиянием русской литературы ведущей тенденцией литературного процесса в Бурятии становится реализм, наряду с которым появляются произведения, тяготеющие к романтизму, сентиментализму и натурализму. В начальный период развития

бурятской литературы ощущалось сильное влияние фольклора, характерным признаком художественного метода которого является отсутствие индивидуализации в том смысле, как ее принято понимать в реалистической литературе. И художественные переводы помогли бурятским писателям научиться психологически индивидуализировать характеры, а также язык героев.

Как отмечает в своей статье «К истории перевода в Монголии» (1988) акад. Б. Ринчен, русский язык в старой Монголии был почти неизвестен. Немногие монголы, владевшие разговорным русским языком, не знали грамоты. Ввиду этого первые переводы с русского на монгольский были сделаны забайкальскими бурятами. До революции были переведены небольшие по объему произведения Л. Толстого на буддийскую тематику: «Ассирийский царь Ассархадон», «Карма» и др. В 1913 г. Ц. Жамцарано организовал в русской типографии в Урге выпуск газеты на монгольском языке. Им же был основан журнал «Шинэ толи», со второго номера которого начал печататься в переводе с русского языка исторический роман французского писателя на монгольскую тематику «Синее знамя синих монголов». Этот первый европейский роман, мастерски переведенный с русского языка Ц. Жамцарано, вызвал живейший интерес у монгольских читателей. Как указывает Ринчен, имея под рукой адаптированный перевод Грамштерна, Жамцарано выправил неточности перевода с французского и русского текстов бытовых понятий монголов.

Первая мировая война и события, вызванные ею, не позволили журналу закончить печатание в нем романа «Синее знамя». И только в 1923 году Монгольский Ученый Комитет («Судур бичиг-үн күрийэлэнг»), основанный в 1921 году Жамцарано и Джамьян-Сайтом, издал роман полностью.

В 20-х годах в Монголии делаются первые попытки перевести художественные произведения с русского языка, и в 30-х годах начало организовываться переводческое дело. Так, Дапинима перевел «Железный поток» А. Серафимовича, Э. Оюун перевела «Робинзона Крузо» Даниеля Дефо.

На первых порах большую помощь молодой республике оказывало московское издательство. В прекрасном переводе Ц. Жамцарано был опубликован «Декамерон» Боккаччо, а также другие произведения.

В годы Великой Отечественной войны переводились многочисленные очерки и рассказы советских писателей – И. Эренбурга, А. Толстого, Н. Тихонова, Б. Полевого, М. Шолохова и др. Как отмечает Б. Ринчен, почти все монгольские писатели учились

писать на этих произведениях малого жанра, которые с того времени приобрели большую популярность.

Особенно большое развитие получили переводы художественной литературы с русского на монгольский язык в послевоенное время. Переводились не только крупные произведения русской классической и советской литературы, но и произведения писателей союзных и автономных республик, сокровища мировой литературы. Почти семьдесят процентов художественной литературы, издаваемой в то время в Монголии, составляли переводы с русского языка. Для обобщения опыта работы армии переводчиков при Союзе монгольских писателей была организована секция переводчиков:

Если в 20-х гг. прошлого столетия буряты и монголы начали создавать единый литературный язык, то в условиях идеологического диктата буряты отказались от этой идеи и пошли по пути создания собственного литературного языка на основе одного из диалектов самого бурятского языка. Таким образом, если до революции художественные переводы являлись общим делом для монголов и бурят, то с 30-х гг. пути развития художественного перевода в наших республиках несколько разошлись. Поскольку бурятский и монгольский языки являются близкородственными, и на эти языки переводилось главным образом одни и те же произведения, то в переводах художественных произведений наблюдается много точек соприкосновения, и сопоставительное изучение переведенных на бурятский и монгольский языки произведений, несомненно, принесет большую пользу.

В 60-80-е годы на бурятский и монгольский языки переведены ряд художественных произведений с русского языка. В эти годы в Бурятии и Монголии сложился большой отряд переводчиков с русского языка. Однако накопленный ими огромный опыт в достаточной степени еще не обобщен. В становлении новой отрасли монгольского языкознания – переводоведения – сделаны лишь первые шаги, и в этой области много еще нерешенных вопросов.

В § 1.2. «Некоторые вопросы теории художественного перевода с русского на бурятский и монгольский языки» отмечается, что в разработке теоретических вопросов художественного перевода имеются два основных направления – лингвистический и литературоведческий.

Бурятские и монгольские языковеды, писавшие по вопросам художественного перевода; не отвергая принципов литературоведческой интерпретации переводческих вопросов, с самого начала придерживаются именно лингвистического подхода к переводу.

Адекватность, эквивалентность, верность, точность, полноценность — это самые важные, доминантные категории перевода. И при сопоставлении бурятских и монгольских переводов прежде всего встает вопрос об адекватности перевода. Для того, чтобы компетентно судить об адекватности перевода, остановимся на понятии «единица перевода».

По нашему мнению, единицей перевода может оказаться единица любого языкового уровня. Во всяком случае, попытки выделить совершенно особую, собственно переводческую единицу до сего времени не увенчались успехом. Возьмем, например, фонему, звук. В романе Шолохова «Поднятая целина» одна старуха звук *с* почти постоянно произносит как *ш*: «*ш*тало быть, папаша, болезный! Чарича небешная! Что же ему шиделали?» и т.д. Встает вопрос о том, как передать такую субституцию фонем. Её надо изучить, посмотреть, как такое своеобразие передается разными переводчиками. И в этом случае фонема предстает как единица перевода.

В диссертации последовательно рассматриваются слово, словосочетание и предложение в качестве единиц перевода. Так, словосочетание иногда становится объектом отдельного рассмотрения в переводческом плане. Например, название романа Шолохова «Поднятая целина» переведено Н. Очировым как «Шэнэ газар хахалагдаа», т.е. атрибутивное словосочетание трансформировано в законченное предложение со сказуемым — изъявительным глаголом в прошедшем времени. Литературовед А.Б. Соктоев и другие исследователи находят, что перевод названия романа неудачен, что оно предполагает только буквальное понимание. Монголы перевели его как «Атрыг хагалсан нь». Это несколько лучше бурятского перевода. Но и оно не осмысливается в переносно-фигуральном значении. А ведь М. Шолохов, рассказывая о том, как распахивалась целина, в то же время показывает, что в это время безжалостно был разрушен всковой уклад русского крестьянства и что в этой «кутерьме» рождался новый тип крестьянина (напр., Кондрат Майданников) с новой психологией. Имея в виду это монголы вновь перевели название как «Сэтгэлийг шинэтгэсэн нь». Но в этом названии исчезает буквальный план, наличествующий у Шолохова. Нам кажется, что в названии следует сохранить словосочетание *хахалагдахан газар*, но снабдить его эпитетами, предполагающими переносное его осмысление, что-то вроде *Онгиргон хахалагдахан шэнэ газар*.

Опора только на слово или отдельное предложение не является плодотворным. Касаясь этого вопроса, Ц.Б. Цыдендамбаев пишет, что наши переводы «зачастую еще не являются художественными, во многом производят впечатление подстрочников» (Цыдендамбаев,

1955, с. 142). Причину этого автор видит в том, что нашими переводчиками ошибочно считается за единицу перевода лишь отдельное слово. Перевод делается слово в слово даже тогда, когда это явно мешает более ясному и понятному изложению мысли на переводимом языке.

В параграфе говорится, что и отдельное предложение, как и другие единицы языка, может стать единицей перевода. В качестве примера в диссертации рассмотрен перевод начала романа Горького «Мать» бурятским и монгольским переводчиками. «Каждый день над рабочей, слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы».

Бурятский перевод Д.Ч. Чернинова: «Үдэр бүри хүдэлмэришэнэй хуурин дээрхи утаа уняар, уурал тоһон болоһон агаарта фабрикын гудок шэцэрэн хуугайлна, энэ гудогой эрхэ мэдэлдэ байһан, садатараа унтаж балсан хүсөө хэргээгүй, уруу дуруухан уйтэй шэрүүн хүнүүд, набтархан борохон гэрнүүд соһоо соһоон тараканууд шэнги улицада гаранад».

Монгольский перевод Наваан-Юндэна: «Ажилчны хорооны дээгүүр, утаата тослог агаарын дундуур фабрикийн яндангийн дуу өдөр бүр чичирхийлэн орилоход, цуцсан булчингаа нойрсон амрааж завдаагүй царайтай дорой хүмүүс, жижигхэн бор бор байшингаасаа үрэгсэн жоомууд шиг гүүлдэн гарцгаадаг».

На первый взгляд кажется, что монгольский перевод более компактен, а бурятский — излишне удлинен. И в самом деле, в оригинале, не считая служебных всего 28 слов, тогда как в бурятском переводе — 32, а в монгольском — лишь 27. При более внимательном рассмотрении переводов этого отрывка обнаруживается ряд существенных недочетов. Так, монгольский переводчик Наваан-Юндэн, как кажется, не имея на то достаточного основания, переиначивает синтаксическую структуру этого начала. В оригинале данная синтаксическая конструкция представляет собой развернутое сложносочиненное предложение, то же имеем в бурятском переводе, а в монгольском — оно превратилось в простое распространенное предложение с развернутым причастным оборотом. И такая трансформация произошла из-за того, что монгольский переводчик опустил слова «и, послушные зову», что представляется неоправданным, ибо эта синтагма несет весьма важную смысловую нагрузку.

В оригинале оборот «не успевшие освежить сном свои мускулы» относится к слову люди, тогда как в монгольском он отнесен к слову *царай* «лицо, физиономия, лик», в результате получилось

некорректное словосочетание: *цуцсан булчингаа нойрсон амрааж завдаагүй царайтай хумуус* - люди с ликом, который не успел освежить сном свои мускулы.

Данный пример, таким образом, показывает, что в рамках предложения переводчик должен более пристальное внимание обратить на то, насколько точно переданы значения отдельных слов, структура предложения и связанные с этим интонация, ритм предложения и его стилистический рисунок. Рассматривая степень эквивалентности значений слов, важно сопоставить их семный состав, благодаря чему удастся устранить имеющиеся потери. Так, бурятский переводчик Д. Чернинов, переводя слово «выбегали» простым словом *гаранад* «выходят» не передал важную смысловую сему «удалиться откуда-нибудь бегом». Вместе с тем благодаря тому, что Чернинов сложносочиненное предложение с двумя простыми перевел такой же конструкцией и в качестве конечных сказуемых употребил изъяснительные формы настоящего времени, он довольно удачно передал интонацию и ритм текста.

Шлифовку перевода в стилистическом и других отношениях более удобно произвести в рамках единицы более крупной, чем предложение. Вслед за Д.Л. Шагдаровой в качестве такой единицы рассматривается так называемое сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое (ССЦ). В параграфе также с разных сторон рассмотрены образчики переводов ССЦ на бурятский и монгольский языки. Так, при рассмотрении сверхфразовых единств из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» отмечается, что прежде всего по стилю бурятский перевод ближе к оригиналу, чем монгольский. В бурятском переводе чувствуется присутствие лапидарного, ясного и четкого стиля Н. Островского. Это достигается тем, что переводчик Б. Абидуев, не нарушая норм своего языка, в отношении целостности предложений следует за автором. Монгольский же переводчик по каким-то соображениям систематически объединяет предложения, создавая длиннейшие синтаксические конструкции типа старомонгольских периодов. Вследствие этого исчезает четкость изложения, чему кроме необоснованного объединения предложений способствует употребление не заданных оригиналом слов; прямая речь вклинивается в авторскую речь, размывая грани между ними и становясь непонятно, кому относятся те или иные предложения.

Очень важно после первого перевода вернуться к нему и в рамках ССЦ внимательно рассмотреть каждую фразу, оборот речи, слово, выявить и исправить упущения, пропуски, неверно понятые места и т.д. При этом посмотреть, насколько естественно звучит отрывок на родном языке, соответствуют ли нормам языка связи между фразами, предложениями. Например, заключительное ССЦ из «Чука и Гека» А.

Гайдара: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали. И понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной». Бурятский переводчик Д. Дугаров так перевел это ССЦ:

«Жаргал гэжээ юун бэ гэжэ – хүн бүхэн өөр өөрынхээрээ ойлгоно. Гэбэшье үнэн сэхээр ажаһууха, ехээр хүдэлмэрлхэ ба Советскэ орон гэжэ нэрэтэй үргэн ехэ жаргалта газар дайдадаа ехээр дурлаха ба хамгаалха ёһотой гэжэ бүхы хүнүүд мэдэнэ».

Чувствуется, что переводчик придерживается принципов буквального перевода, что видно хотя бы из того, что, слепо следуя оригиналу, он после союза *гэжэ* ставит тире. Конечно, тире нужен, но тогда фразу следует построить по-другому. К примеру, так: «Жаргал гэжэ юун бэ – хүн бүхэн энээниие өөрынхээрээ ойлгоно». Переводчик употребляет книжный союз *ба 'и'* там, где можно обойтись и без него и т.д.

Нам представляется, что данный отрывок в переводе Ц. Олзийхутага под редакцией Э. Вандуйя звучит лучше, естественней, более выразительно: «Жаргал гэж юу вэ? гэдгийг хүн бүр өөр өөрийнхөөр ойлгоно. Гэвч бүх хүмүүс үнэнчээр амьдрах, хөдөлмөрлөх, Зөвлөлт эх орон гэж нэрлэгдцэг жаргалант удам энэ эх орноо туйлын ихээр хайрлах ба хамгаалахыг жаргал гэж сайн мэдэж ойлгосон байдаг юмаа».

Далее в параграфе рассматривается перевод как явление противоречивое, в передаче которого на другой язык неизбежны какие-то потери. Так, из-за того, что языки относятся к разным типологическим системам, трудность представляет передача ломаной речи иностранцев, которые переводчиками попросту нивелируются, т.е. переводятся литературными словами. Между тем, можно найти какие-то приемы, хотя бы и относительно адекватные, для передачи таких речевых особенностей.

Таким образом, перевод можно рассматривать как процесс создания текста на языке, на который осуществляется перевод, лишь в определенных отношениях (а не абсолютно) равноценного тексту на языке, с которого осуществляется перевод.

Ввиду этого в последнее время в переводоведении происходит замена термином «эквивалентность» синонимического ему термина «адекватность», означающего полное совпадение. Эквивалентность же означает, что наряду с фактами адекватных переводов встречаются языковые и речевые явления, которые не поддаются абсолютно адекватной передаче на другой язык. Таким образом, эквиваленты могут быть полными и частичными, абсолютными и относительными.

Для достижения более полной эквивалентности, при условии невозможности абсолютной адекватности, большое значение приобретает понятие «переводческая трансформация», под которой понимается переработка языковой или речевой единицы в соответствии с нормами переводящего языка. Например, название рассказа Пушкина «Барышня-крестьянка» не может быть переведено в виде «Барышня-таряшан», ибо получается весьма неудобоваримое сочетание. Поэтому Д. Черпинов трансформирует это заглавие в «Холшор басаган» (досл. «Девушка, любящая любовные приключения»), что представляется несколько нежелательным отходом от оригинала. Поэтому здесь необходимо испробовать много вариантов, чтобы выбрать наиболее удачный. При этом, нам кажется, в переводе должны быть по возможности сохранены смы 'девушка из богатой семья' и 'крестьянка'. Могут быть рассмотрены, наряду с другими, такие варианты: «Таряшан хубсаһата баян басаган», «Таряшан боложо наадаһан баян басаган», «Таряшан боложо зугаалһан басаган», «Таряшан болоошо абхай», «Таряшан абхай» и др.

Кроме таких, адекватно трудно переводимых, элементов языка в главе рассматриваются трудности, детерминированные расхождением национальных культур, менталитета народов. Обычно в таких случаях бурятские переводчики склонны придерживаться буквального перевода, а монголы иногда трансформируют в соответствии с собственными представлениями.

Во II главе «Особенности перевода на бурятский и монгольский языки лексико-фразеологических и изобразительно-выразительных средств русского языка» рассматриваются некоторые теоретического аспекты анализа отдельных элементов художественного текста при переводе.

В § 2.1. Особенности передачи на бурятский и монгольский языки различных пластов и единиц лексики освещаются особенности передачи на монгольских языках различных единиц лексики.

Современная модель перевода исходит из положения о том, что любая ситуация может быть в принципе описана средствами любого языка. Даже если в языке отсутствуют наименования для каких-то элементов действительности, всегда существует возможность либо образовать в этом языке новые единицы, либо описать эти элементы с помощью сочетаний уже имеющихся единиц. На основе этих положений предполагается, что процесс перевода происходит следующим образом. Поняв содержание оригинала, переводчик определяет, какая ситуация в нем описана, а затем описывает эту ситуацию средствами языка перевода. Иначе говоря, процесс

перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода.

Случаев, когда единица исходного языка по набору своих характеристик полностью соответствует единице переводящего языка, сравнительно немногочисленна. К ним относятся, прежде всего слова основного фонда, типа *уһан* – вода, *саһан* – снег, *улаан* – красный, *сагаан* – белый, *нидэхэ* – летать, *мулхихэ* – ползать и др. Общими для русского и монгольского языков могут быть некоторые языковые категории, например, слова-числительные, слова, обозначающие пространственные отношения, местоименные слова, общественно-политические и другие термины, появившиеся в послереволюционные годы, в том числе интернациональные и русские заимствования. Если такие полные соответствия, занимая одинаковое место в парадигматических системах русского и монгольских языков, обладают также и тождественными синтагматическими функциями, они называются полностью конгруэнтными.

Однако подавляющее большинство сопоставляемых языковых и речевых явлений относится к неполным соответствиям. К ним, в частности, относятся:

1. Соответствия со смысловым и стилистическим инвариантом. Например, *цвети* – *һалбарха*. В предложении *Һалбарһи, турэл Бурядни!* – ‘Цвети, родная Бурятия’ слова *һалбарһи*, *цвети* имеют одинаковый смысловой инвариант ‘преуспевать, процветать’ и оба относятся к возвышенному стилю. Слова *шуһаалха* – *эсреть* имеют смысловой инвариант ‘принимать пищу’ и ‘бба’ относятся к просторечному стилю.

2. Соответствия со смысловым инвариантом: Так, *закһитһься* – *жаргаха* имеют смысловой инвариант – ‘опуститься за горизонт’ (о солнце), однако, в отличие от корреспондирующего русского слова, бурятское слово относится к возвышенному стилю. То же можно сказать и о словах *взойти* – *мандаха* ‘подняться над горизонтом (Солнце)’.

В русском языке имеется целый ряд слов со смысловым инвариантом – ‘лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности и взрослости’: девушка, девица, девка, деваха, дева, барышня, мисс и др. Все они, имея одинаковый смысловой инвариант, различаются стилистически. В бурятском же языке им соответствует в основном слово *басаган*, например: юноши и девушки – *эдиришүүл ба басагад*; девка-служанка Гринёвых – *Гринёвтоной зараса басаганиһинь*; молодая девица – *залуу басаган*; старая дева – *гэртээ хугшэрһэн басаган* и т.д.

3. Соответствия, не сохраняющие смысла. Например, слову *загорать* в бурятском языке соответствуют *харлаха*, *дүрэхэ*, но при употреблении слова *загорать* в переносном значении 'пребывать в вынужденном бездельи', это значение не сохраняется.

Прежде чем перевести, например, предложение, переводчик должен хотя бы приблизительно знать, какого рода из указанных соответствий имеются в составляющих данного предложения. Если же в переводящем языке нет прямых соответствий отдельным словам или словосочетаниям, он должен продумать прежде всего вопрос о том, как передать смысловой инвариант языковой единицы.

Далее в главе рассматривается так называемая безэквивалентная лексика, способы и приемы передачи их на бурятский и монгольский языки. Встретив в оригинале такое слово, переводчик выясняет, какая за ним стоит реальность и затем решает, каким способом эту реальность лучше описать в переводе.

Первое время многие безэквивалентные слова переводились на монгольские языки словами, обозначающими монгольские реалии. Так, духовные звания католических аббатов в «Декамероне» были переведены Ц. Жамцарано соответствующими буддийскими терминами. Например, название романа Гюго «Собор Парижской богородицы» было переведено как «Собор парижской богини Тары», т.е. богородица Мария была отождествлена с буддийской богиней, а Христос с Буддой. Впоследствии название романа переведено как «Парисын Эх дагины сүм», что больше соответствует оригиналу.

Практически можно перевести все иноязычные реалии, но это может привести к нивелировке национального своеобразия подлинника. На наш взгляд, наиболее специфичные иноязычные реалии должны оставаться без перевода.

Не стоит также увлекаться переводом христианских терминов буддийскими словами и терминами. К примеру, в русско-бурятском и русско-монгольском словарях слово *богиня* переведено словом *дара-эхэ*. Но *Дара эхэ* – это буддийское божество, женское воплощение бодхисаттвы Арья-Балы; или Авалокитешвары. Ее земными перерожденцами объявлялись супруги тибетского хана Сронцангамбо, российская императрица Екатерина II, супруга восьмого монгольского Богдо-гэгэна. Поэтому словом *Дара Эхэ* следует именовать лишь эти лица, а женских божеств других религий лучше называть просто *бурхан* или *эхэнэр бурхан*. Например: *Эзэн хатан хаан хоёрдугаар Екатерина*, *Сэгаан Дара эхын хубилгаан* – императрица Екатерина вторая, воплощение Белой Тары; *Афродита бурхан* – Афродита (древнегреческая богиня любви и женской красоты) и т.д.

В монгольских словарях слово «поп» переводится словом *хар лам*, а в русско-бурятском словаре – *поп, ород лама*. В то же время Б. Абидуев, Д. Чернинов и другие бурятские переводчики употребляют только слово *поп*. Поскольку каждому буряту знакомо это слово, его вполне можно употреблять в заимствованном виде. Но, поскольку в Монголии русский язык не распространен так широко, как в Бурятии, там, пожалуй, лучше употреблять и *хар лам*, и *поп*.

По нашему мнению, конкретные номинанты лучше оставлять в том же виде, но после них в скобках иногда разъяснять их смысл, например: *патриарх* (үнэн алдартын шажанай эгээн дээдэ хэргэм), *papa* (католигуудай толгойлогшо; далай-ламат. * адлишуу хэргэм) и т.д.

Редкоупотребительные слова лучше оставлять в том же виде, а рядом дать описательный перевод, а затем, если нужно, в скобках дать пояснение. Например, *клобук* – клобук, (ород санаартадай) госхогор үндэр малгай (*тэрээнхээ хара бүд, харин патриарх болон митрополидай малгайнаа сагаан үнгэтэй бүд ханжан, мурэ дээгүүрнь намирдаг*). Предложение «Службу провел патриарх в клобуке» следует перевести так: *Сагаан бүд намируулхан госхогор үндэр малгайтай патриарх мургал үнгэргөө*.

К некоторым редкоупотребительным словам лучше дать описательный перевод: *образ* – ородой зурамал бурхан. Словосочетание «старинный образ в окладе» лучше перевести так: *нимгэн түмэрөөр бурхөөгдэхэн урданай зурамал бурхан (тэрэнэй нюур, гарынь лэ хушагдангүй орхигдодог байгаа)*.

Для того, чтобы решить вопрос о том, перевести или нет то или иное слово, лучше сравнить его с близкими по значению бурятскими словами. Для этого разлагают значение рассматриваемого слова на элементарные части или семы. Так, значение слова *мальчик* разлагается на две семы: «малолетний» и «мужского пола». Бурятское слово *хубуухэн* разлагается на такие же семы, поэтому это полностью эквивалентные слова, переводимые друг другом.

Передача диалектной речи является чрезвычайно сложной и трудной задачей. Если, например, перевести диалектные слова, украинизмы монголизмами или бурятскими диалектизмами, то неизбежно сложится впечатление, что, в частности, например, слепой мальчик из главы «Тамань» романа Лермонтова является монголом или носителем одного из бурятских диалектов, следовательно, будут смещены место действия, принадлежность действующего лица к определенной национальности.

В таких случаях, по нашему мнению, выход можно найти путём комбинирования различных приемов. Можно, в частности, использовать целокализированные, общеизвестные диалектизмы, элементы монгольского языка, просторечные и разговорные слова, а также некоторые искусственные изменения звукового облика слов.

Как известно, русский язык очень богат синонимами и их перевод на бурятский язык также порождает трудности. Об этом свидетельствуют примеры, когда несколько русских синонимов переводятся одним бурятским словом. Например, в русском языке для выражения понятия «отец» употребляются слова «отец», «батя», «батюшка», «папа», «папаня», «папочка», «папуля», «папенька», «папка»; «мать» — «матушка», «мама», «мамаша», «мамуля», «мамуся», «маменька», «маманя», «мамка» и т.д. Каждое из названных слов характеризуется определенной эмоциональной и стилистической окраской, в бурятском же языке этим рядам соответствуют только *эсэгэ*, *аба* и *эхэ*, *эжы*, и переводчики обычно переводят несколько слов одним и тем же словом, то есть передают лишь смысл, но не воспроизводят стилистическую окраску слова.

Стилистическая дифференциация лексики и других разделов языка в русском языке развита намного сильнее, чем в молодом бурятском литературном языке, и этим обстоятельством отчасти вызваны затруднения переводчиков в передаче синонимических средств, несущих определенную стилистическую нагрузку.

В § 2.2 Передача на бурятский язык слов с переносным значением и фразеологизмов рассмотрены способы передачи на бурятский и монгольский языки слов с переносным значением и фразеологизмов.

Общеизвестно, что художественная литература отображает жизнь в конкретных образах. И основным средством создания образа, первоэлементом художественной литературы является язык. В одних случаях образность достигается на основе прямых значений слов, а других — за счет переносного употребления слов и специальных образно-изобразительных средств — троп. У многих стилистически нейтральных слов русского языка прямые значения совпадают со значениями бурятских слов. В таких случаях переводчики, конечно, не испытывают затруднений. Но эти же слова при употреблении в переносных значениях с экспрессивной окраской, как правило, не имеют соответствий в бурятском языке, и их передача представляет большую трудность. В главе рассмотрены наиболее распространенные приемы перевода русских слов с переносным значением бурятскими и монгольскими переводчиками художественной литературы. Одним из таких способов является использование их

бурятского эквивалента, имеющего значение, которое соответствует прямому значению русских слов. При наличии благоприятного контекста данные слова воспринимаются в переносном значении. Особенно хороший эффект такой прием дает при переводе названий произведений. Например: «Как закалялась сталь» - «Булад яжа хатуужааб», «Болд хэрхэн хатаагдасан нь»; «Рожденные бурей» - «Шуурган дундуур гүрөөшэд», «Шуурганаар төрөгсөд»; «Тимур и его команда» - «Тимур ба тэрэнэй команда», «Төмөр ба түүний команд» и др.

Полное смысловое наполнение таких названий с ёмким, развернутым переносным значением происходит, конечно, после прочтения всего произведения.

Дословный перевод употребленных в переносном значении тропов иногда дает эффект при умелом их включении в текст, иногда в паре с бурятским словом. Ср., например, переводы Д. Чернинова из «Героя нашего времени»:

«Внизу с бесперывном ропотом плескались темно-синие волны» - *Аяар тэрэ доронь хара хухэ долгинууд таһалдаагүй гэмэрэдэн салгидана*. Здесь слово *ропот*, как кажется, удачно передано слитным деепричастием.

Однако прямой перевод слов с переносным значением не всегда приводит к желаемому результату. Переносное значение мало или вовсе не осознается при переводе не образных, а простых, прозаических слов. Например: — Пошевеливайтесь живее. Сейчас придет двенадцатичасовой, а вы доаетесь - *Тургэнөөр хүдэлэгты. Энэ дорoo арба хоёр часайхи ерэхэн, тийхэдэ таанар нэгээл малтажа байнат* («Как закалялась сталь», 1940, с. 12).

«Никто не видел, а все же поп сразу узнал, чья эта работа» - *Хэньшэ тэрээншнь хараагүй байгаа, тээд поп болбол энэ хэнэй хүдэлмэриб гэжэ мэдээн байна*.

В переводческих работах бурятских и монгольских лингвистов часто употребляются такие понятия как «буквальный», «адекватный», «вольный» перевод. Под буквальным переводом подразумевается поэлементный перевод — пословный, посинтагменный и т.п. Иногда в этом смысле употребляется термин «дословный» перевод. Как было показано выше, дословный перевод иногда необходим, в частности, при переводе названий произведений. В данном же случае речь идет о таком буквальном переводе, когда поэлементное соответствие установлено незаконмерно, в нарушение определенных норм языка.

Буквальный перевод в негативном смысле особенно часто встречается при переводе слов, словосочетаний и выражений с переносным значением. Например, в переводе «Капитанской дочки» Пушкина (пер. Д. Чернинов, 1940) фразеологизм «не робкого десятка» переводится *аймхай арбаадай нэгэн... бэиэ*. Ц.Б. Цыдендамбаев указывает, что буряты так вовсе не говорят, а скорее скажут *аймхайшуулай нэгэн бэиэ*.

В главе на материале переводов художественной литературы на монгольские языки рассмотрены двоякого рода буквализмы: 1) семантические буквализмы, связанные со значениями слов и словосочетаний; 2) грамматические буквализмы, связанные со строем языка.

В художественных произведениях в авторской речи и в речи действующих лиц широко используются различные устойчивые сочетания слов - идиомы, пословицы, поговорки и т. д. Бурятские и монгольские переводчики в общем неплохо переводят такие выражения. Если в устойчивых сочетаниях компоненты сохраняют свой смысл, переводчики прибегают к их прямому переводу. Но при этом обязательным условием должно быть сохранение афористичности, отточенности выражения и даже, если возможно, синтаксического построения. Например, в «Капитанской дочке» пословица «Семь бед, один ответ» переведена «Долоон нугэл, нэгэ харюу». Иногда такой прямой перевод дополняется смысловым переводом: «Верно, между ними черная кошка пробежала» — «Эдэ хоёройм дундуур хара миисгэй гүйжэ гарашаба, эбээ таһарба хаяа».

В диссертации анализируются различные способы передачи фразеологических единиц, в том числе пословиц и поговорок.

Воспроизведение индивидуальной речи персонажей — один из труднейших вопросов перевода художественной литературы, ибо в ней встречается множество безэквивалентных элементов. В речи персонажей, которая может изменяться в зависимости от обстановки, душевного состояния героя, отражаются многие особенности народно-разговорной речи, диалектизмы, элементы социально-речевых стилей, профессиональных жаргонов. Влияют на нее и возраст говорящего, и эпоха, в которой он живет. В языке героя проявляются его характер, умственный кругозор, культурный уровень, профессия. Однако эта важнейшая сторона характеристики образа художественного произведения бурятскими и монгольскими переводчиками воспроизводится пока далеко не полностью, отчего, безусловно, страдает идейно-художественный уровень переводных произведений.

В диссертации описываются наиболее часто встречающиеся трудности и некоторые рекомендации их преодоления.

В заключении подводятся основные выводы исследования и намечены перспективы дальнейшего развития поднятых в диссертации проблем.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи.

1. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. Цыбиков и вопросы перевода // Цыбиковские чтения-7; Улан-Удэ, 1998. - С. 268-269.

2. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. Анализ художественных переводов на бурятском и монгольском языках // Санжеевские чтения-4. Улан-Удэ, 1998. - С. 23-26.

3. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. К истории становления переводоведения в Бурятии и Монголии // История и развитие монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. - С. 273-284.

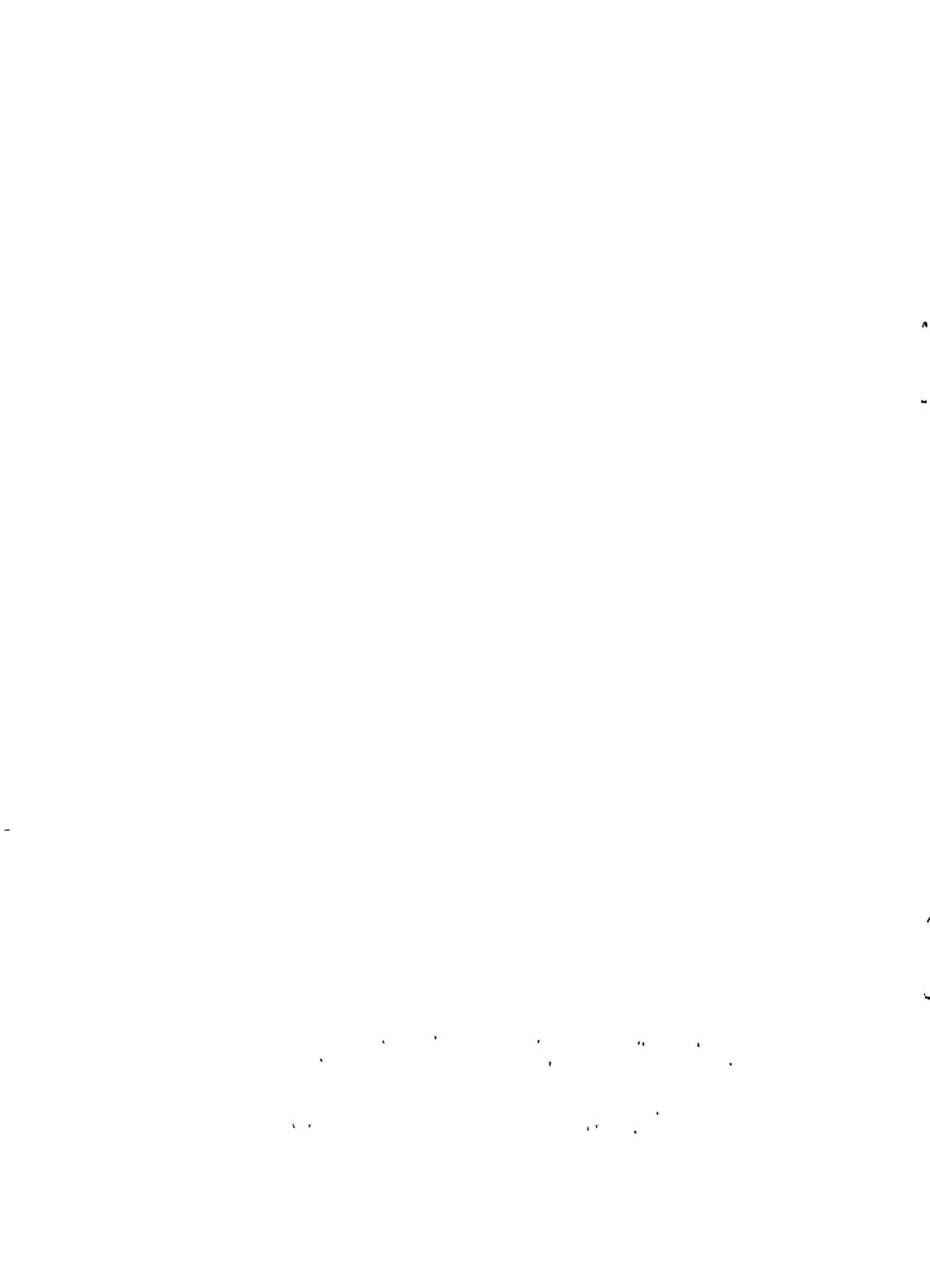
4. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. Найдаков и вопросы перевода // Материалы научной конференции молодых ученых, Улан-Удэ, 1999. - С. 98-102.

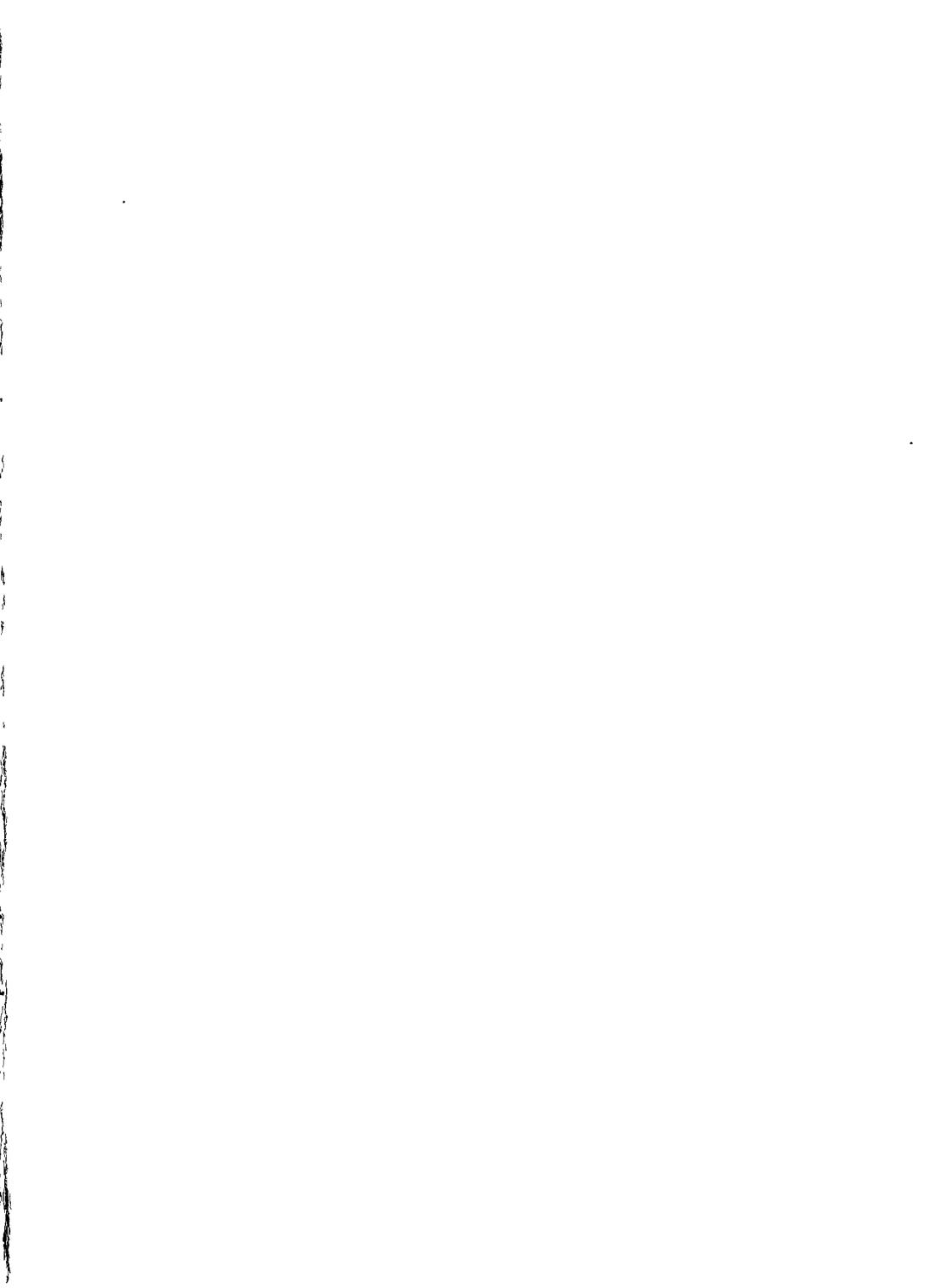
5. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. О принципах перевода пословиц и поговорок с русского на бурятский язык // Санжеевские чтения – 5. Улан-Удэ, 2003 (в печати).

6. Бальжинимаева Ц.Ц-Д. Перевод как оптимальное решение ряда противоречий // Материалы научной конференции к столетию В.И. Цинциус. Санкт-Петербург, 2003 (в печати).

Подписано в печать 30.09.2003 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Объем 1,2 печ. л. Тираж 100. Заказ № 127.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН,
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

15351

2003-A

15351